

«ИСКУССТВО ДОЛЖНО ПОТРЕЯСАТЬ...»

Беседа с одним из ведущих актеров Московского театра имени Ленинского комсомола **НИКОЛАЕМ КАРАЧЕНЦОВЫМ** была продолжением разговора, начатого на встрече журналистов с коллективом театра в первый день его гастролей в Кишиневе. «Актер должен уметь все» — так можно сформулировать тему выступления Николая на этой встрече. Сегодня он развивает свою мысль, соотнося ее со многими важными аспектами творческой жизни театра.

— Я ГОВОРЮ уже, что люблю театр имени Ленинского комсомола, в который пришел сразу же по окончании школы-студии МХАТ, за то, что это театр поиска, театр эксперимента. Поиск ведется в трех направлениях: в первую очередь, это требование от актеров предельной искренности, глубокого проникновения в суть образа, характера, постижение заложенных в нем мыслей, чувств, понимание психологии образа, его философии, словом, всего, что помогает передать «жизнь человеческого духа».

Второе направление эксперимента — поиск интересного сценического воплощения драматургического материала. Я — за яркую зрелищность спектакля. Мне нравятся красивые декорации, яркие неожиданные мизансцены, нравится, когда используются самые разнообразные приемы режиссуры.

И третье, очень важное условие театрального искусства, открывающее широчайшие возможности для поиска, — это его эмоциональность. Искусство должно потрясать. Зритель приходит в театр, чтобы поплакать, посмеяться, ощутить сопричастность с чьей-то жизнью, чьей-то судьбой. Происходит это только в том случае, если эмоциональное напряжение, возникающее в ходе спектакля, достаточно высоко, если артист тратит себя, не дозируя своих чувств, если он тратит свое сердце... Тогда и возникает та самая «магия жизни», в истинность которой зритель верит.

Наш театр широко использует в спектаклях музыку (истати сказать, он единственный среди московских театров, имеющий свой собственный вокально-инструментальный ансамбль). У нас есть спектакли, в которых музыка ис-

пользуется традиционно, в качестве аккомпанемента действия. Есть и такие, где музыка является не аккомпанементом, а компонентом спектакля. Так, например, в «Тиле» она несет серьезную нагрузку, акцентируя поворотные моменты в сюжете спектакля, в жизни героя. А спектакль «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты» уже целиком построен по музыкальным законам. Для выявления драматической сути этого произведения используются такие художественные средства, как пластика, вокал. Это предвещает особые требования к исполнителю. Им нужно уметь владеть своим телом, голосом. В каждом театральном учебном заведении изучаются специальные дисциплины: сценическое движение, фехтование, вокал. И все же выпускники училищ не всегда оказываются достаточно подготовленными для участия в музыкальных спектаклях. Скорее училище закладывает основы того бесконечного процесса совершенствования, без которого немислим серьезный актер.

— Пластическое решение спектаклей «Тиль», «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты» не только интересно, но и сложно. Актеры порой выполняют трюки, доступные разве что каскадерам. Это требует от них особой собранности, сосредоточенности. Как, по-вашему, необходимость технически точно выполнить тот или иной трюк не отвлекает ли актера от его основной задачи — раскрытия психологической глубины образа? Есть еще и другая сторона вопроса. Согласитесь: в обычной жизни движения души не всегда сопровождаются переживанием человека в пространстве. Нет слов, красиво смотрится прыжок на стол, который вы совершаете в «Тиле». Но оправдать его, даже делая скидку на условность театрального искусства, довольно трудно. Как вам все-таки это удается? Как вам удается убедить зрителя в том, что так и только так может поступить ваш герой в подобных обстоятельствах?

— Начну со взаимоотношений режиссера и актера. Они представляются мне как процесс сотворчества. Главным режиссер нашего театра Марк Анатольевич Захаров, на мой взгляд, художник очень интересный, необычайно чувствующий время. Один из его режиссерских принципов — неожиданность. Но в

психических и физических действиях, которых он требует от актера, всегда есть своя строгая логика и последовательность, приводящая в конечном итоге к правде чувствований. И если зритель все-таки ощутил несоответствие пластического выражения образа и его психологии, то скорее всего по вине актера. Значит, актер был недостаточно искренен, недостаточно органичен, недостаточно выразителен. Ведь режиссерский рисунок не догма. Это те границы, как любит говорить Марк Анатольевич, внутри которых волюно живет актер.

Что касается технических сложностей, то они не должны превращаться в самоцель. Это лишь одно из средств сценического воплощения образа. Здесь многое зависит от мастерства актера, который обязан довести каждое свое движение до автоматизма. Зритель может лишь догадываться о тех неимоверных усилиях, которые стоят за видимой легкостью

исполнения всевозможных трюков, а не лицезреть эти усилия на спектакле.

— Довольно часто на вопрос «Какие роли вы предпочитаете играть?» актеры отвечают: — «Любые, ибо играть — наша профессия». Но ведь играть много и играть любую роль — далеко не одно и то же. Наверное, у каждого актера есть свои привязанности в искусстве, свои, собственные критерии художественного. И есть роли, соответствующие этим критериям, как и роли, наиболее отвечающие художественному вкусу актера, его творческим стремлениям, наконец, складу его дарования...

— Что касается меня, то я предпочитаю играть характеры сложные, сильные, яркие... Здесь все зависит от драматургии. Если произведение поднимает актуальные проблемы, поднимает масштабно, глубоко, если образы выписаны в нем крупно, сочно, то актеру есть что играть. Интересные характеры часто предлагают нам классика. режиссер — современная драматургия. Ну а если говорить о главной теме, то мне ближе всего — гражданская. Я рад, что благодаря профессии актера получил возможность говорить о своих идеалах, которые когда-то в детстве защищал в дворовых мальчишеских драках кулаками, со сцены — во весь голос.

— Какого зрителя вы любите?

— Умного, объективного, доброжелательного. Хотя иногда интересно побороть его предубеждение. А причиной предубеждения может послужить даже большой успех актера или постановки в целом. Звучит парадоксально, но факт. Допустим, наслушаются люди похвал в адрес какого-то спектакля, мол, какой он прекрасный и неповторимый, придут в театр и ждут потрясения. И мы обязаны сыграть так, чтобы они ушли из театра потрясенные.

— Ваша мечта?

— О творческой не скажу: вдруг не исполнится. А человеческая... Мне хотелось бы, чтобы все было хорошо в моем доме, чтобы все было хорошо в этом мире, чтобы не было войны.

Беседу вела **Ж. ГОРДЕЕВА.**

НА СНИМКЕ: артист Николай Караченцов.
Фото И. Зенина.